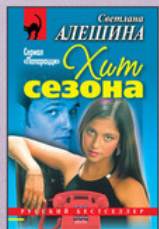

Светлана Алешина

Хит сезона

Часть сборника
Хит сезона (сборник)

Светлана Алешина

Хит сезона

Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6190917

*Алешина С. В. Хит сезона. Идеальных преступлений нет : Повести.
ЭКСМО-Пресс; Москва; 1999
ISBN 5-04-003355-9*

Аннотация

«...Так вот, моя супруга, Евгения Сергеевна Митрофанова мне... хм... изменяет. Поверьте, я много думал перед тем, как прийти к вам. И все же пришел, как видите. У меня есть некоторые сомнения насчет... ее поведения. Я хотел бы, чтобы вы помогли мне их развеять.

– То есть подтвердить? – спросила я, удивляясь тому, как все удачно складывается: заработок, можно сказать, сам идет мне в руки.

– Боюсь, что опровергнуть их вам, при всем моем желании, не удастся, – сказал он, посмотрев на меня так, словно это я ему изменяла.

– То есть вы хотите, чтобы мы добыли свидетельства, подтверждающие факт супружеской измены со стороны вашей супруги? – спросила я, решив помочь ему сформулировать цель его визита.

Он кивнул головой и торопливо заговорил:

– Я все продумал. Сегодня у меня спектакль, кстати – мой любимый «Фауст». Она останется дома одна. Детей у нас, видите ли, нет... хм... Да! И я уверен, что на сегодня у нее запланировано свидание. Прямо в нашем доме. В моем, прошу заметить, доме! Прямо на супружеском, так сказать, ложе! Это уже верх... Верх бесстыдства и предательства! Я еще понимаю, там, гостиница или какая-то квартира для свиданий. Но дома! Это... Это переходит все границы!...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Алешина

Хит сезона

Глава 1

Праздники имеют обыкновение заканчиваться. Причем заканчиваются они, как правило, неприятностями. Хотя бы и мелкими. Если бы у меня была возможность выбирать, я бы предпочла крупные – заставляющие бросать на борьбу с ними все силы полностью, находить в себе такие резервы, о которых ты прежде и не подозревала. А мелкие – нудны и противны. Они как сусличьи норы в степи, по которой я в детстве гоняла на велосипеде, – замечаешь их только тогда, когда переднее колесо уже провалилось, а ты летишь через руль. Шею не сломаешь, но колесо начинает так «восьмерить», что возвращаться приходится пешком.

Если тогда в моем родном степном Карасеве, где центром цивилизации был вокзал, а очагом культуры – ресторан с весьма «оригинальным» названием «Заволжье», неприятности ограничивались сусличьиими норами и подзатыльником от матери за перепачканное и разодранное платье, то теперь, в Тарасове, где я живу уже седьмой год, калибр их существенно изменился. Как, впрочем, и я сама.

Из наивной длинноногой студентки филфака я преврати-

лась в «матерую» журналистку, как меня называет Сергей Иванович, один из моих сотрудников, редактора и владельца частной газеты «Свидетель», самой популярной сегодня – поверьте, в этом нет ни малейшего преувеличения, – газеты в Тарасове. А их у нас около сотни.

Совсем недавно мне удалось расследовать громкое дело об убийстве депутата областной Думы, председателя счетной палаты Ольги Николаевны Дубровиной. Впрочем, я не в одиночку занималась этим, работала вся редакция, иначе у меня вообще ничего не получилось бы, без их помощи. Но я сейчас о другом.

Как-то так вышло, что мы с этим расследованием перешли дорогу официальным правоохранительным органам. А я еще имела неосторожность нахамить по телефону начальнику нашего тарасовского управления Федеральной службы безопасности генералу Синицкому, «наехав» на него за то, чего он и не собирался делать, как я потом уже поняла, – вербовать Сергея Ивановича в секретные сотрудники, или, как их чаще называют, – «сексоты».

Вскоре посыпались на нас одна за другой всевозможные проверки. Не могу, правда, утверждать, что должна благодарить за это генерала Синицкого. И каждая из появлявшихся у нас комиссий опечатывала нашу контору. Мы бросались в бой всей редакцией и устраняли все замечания, служившие основанием для ее закрытия.

Первыми появились пожарники и заявили, что не могут

нам позволить работать в помещении, не оборудованном средствами тушения пожара. Когда же я с недоумением показала на имеющийся у нас пожарный щит, усатый пожарник добрых полчаса объяснял мне разницу между пожарным багром, который на пожарном щите совершенно необходим, и обычным ломом, висящим на щите у нас.

Я мысленно прокляла прежних владельцев помещения, от которых нам и достался в наследство этот пожарный щит, и весь следующий день редакция наша простояла опечатанной – оказалось, что найти в Тарасове багор раз в тридцать легче и быстрее, чем снять печать с двери. Усатый заранее предупредил меня, что самой мне лучше их печать не срывать – придется составлять уже милицкий протокол, а это послужит основанием для судебного разбирательства. Пришлось уговаривать на следующий день этого усатого прийти к нам лицезреть приобретенный багор и снять печать с редакции.

Следующими к нам заявили представители санэпидстанции.

«Ну уж эти-то, – подумала я, – к нам придраться не смогут! С продуктами мы дела не имеем, а места общего пользования – в идеальном состоянии».

И, конечно, ошиблась. Смогли!

Они долго что-то подсчитывали, рассматривали электрические лампочки и заявили наконец, что у нас не соответствует санитарным нормам освещенность помещений. Что

на каждого из сотрудников приходится гораздо меньше то ли люменов, то ли фотов, чем положено нормами. Не знаю, имели ли они на это право, но редакцию вновь опечатали.

История повторилась с той лишь разницей, что мощные лампы в Тарасове оказалось найти еще проще, чем пожарный багор.

Сергей Иванович, чувствуя себя почему-то во всех наших неприятностях виноватым, ходил грустный, вздыхал и нудел. В общем – путался под ногами, пока я, Маринка, моя секретарша, и фотограф Виктор решали эти проблемы, свалившиеся на наши головы.

Но когда во вновь заработавшую редакцию ворвались люди из налоговой инспекции в черных масках, бронежилетах и с автоматами и держали нас лицом к стене, пока до тошноты вежливые инспектора выгребали всю нашу документацию, я поняла, что работать спокойно мне все же не дадут. В тот же день расчетный счет редакции был арестован, и я порадовалась, что у меня есть несколько тысяч германских марок налички в домашнем сейфе – остатки от выгодной коммерческой сделки – продажи информации о русских публичных домах в Германии одной крупной берлинской газете. Этот заработок был случайным, и повторно рассчитывать на такую удачу я не могла.

Сидя потом в своем перевернутом вверх дном кабинете и глядя на собравшуюся у меня приунывшую команду, я засомневалась, что инициатором всех наших неприятностей по-

следних дней была ФСБ. Уж не настолько мы насолили генералу Синицкому и его «орлам», чтобы он стал сводить с нами счеты.

И тем не менее чья-то сильная, влиятельная, очень хорошо направляющая рука чувствовалась в достижении единственной цели – помешать работать, выпускать дальше «Свидетеля», тираж которого нам удалось за три номера поднять в пять раз. Но это, конечно, были такие номера, которые взбудоражили буквально весь город.

Стоп, подумала я, а может быть, это кто-то из наших конкурентов?

А что? «Свидетель» сделал такой мощный рывок на дистанции, что бывшим лидерам пора ставить нам палки в колеса. Ну хорошо, пусть конкуренты, но кто из них? Это могла сделать любая из пяти газет, которые контролировал губернатор, любая из четырех, контролируемых его политическими противниками, и мне оставалось только гадать на кофейной гуще – кто же из них?

Кстати, о кофе... Маринка готовит его просто отлично.

– Так, ну что? – сказала я, оглядев свое «войско». – Все в сборе? Кого нет? Корреспондентов? Ну так им пока и делать здесь нечего. Выпуск газеты мы с этого дня временно прекращаем.

Сергей Иванович вытаращил на меня глаза.

– Ты с ума сошла, Ольга! – воскликнул он. – Сейчас надо обязательно развивать успех и приучать читателя к тому,

что «Свидетель» выходит часто, почти каждый день. Сейчас расширять редакцию нужно, а не сокращать!

– Успокойтесь, Сергей Иванович! – осадила я его. – Без расчетного счета мы не сможем оплатить ни типографию, ни бумагу. Нам даже подписку принимать нельзя.

– Как это нельзя! – возмутился Сергей Иванович. – К нам народ валом валит, чтобы подписаться хотя бы на три месяца, а ты – «нельзя»!

– Я знаю, что делаю! – отрезала я. – Сегодня у нас выгребли всю наличку из сейфа, но ее-то происхождение я доказать сумею. А вот когда мы соберем кругленькую сумму за подписку и они нагрянут второй раз, а после их визита мы не обнаружим ни одной квитанции о подписке, арестуют уже не расчетный счет, а меня саму! И вы будете сидеть здесь и вздыхать. Но сделать вы ничего уже не сможете, поскольку, простите, Сергей Иванович, просто не знаете, что в такой ситуации делать...

– А ты знаешь! – буркнул Кряжимский и надулся. – Пропадем мы без тебя, как малые дети!

– Вы-то, возможно, и не пропадете, а вот дело наверняка будет похоронено, – сказала я спокойно. – Сейчас не время спорить. Я уже знаю, что делать...

Три пары глаз вопросительно уставились на меня.

– Прежде всего Марина всем сейчас сварит кофе, и мы выпьем по чашечке.

Маринка пожала плечами и отправилась в свой предбан-

ник варить кофе. Я достала из стола устав «Свидетеля» и, найдя нужное место, подчеркнула карандашом несколько строчек.

В кабинет заглянула Маринка, и я поразилась скорости, с которой она научилась готовить кофе. Но она принесла не кофе, а известие о том, что в редакцию пришел какой-то мужчина и просит меня его принять.

– Что за мужчина? – спросила я утомленным голосом. – Опять из налоговой? Или на этот раз из какого-нибудь общества защиты животных? Сейчас начнет обвинять нас в том, что сегодня на обед мы ели бифштексы, а это преступление перед лицом...

– Обычный мужчина, – прервала Маринка мою раздраженную болтовню. – Лет пятьдесят. Одет элегантно. На вид – очень приличный. В очках и с бородой.

– Ладно, пригласи его, я поговорю с ним, пока ты варишь кофе.

Я повернулась к нашим мужчинам и развела руками.

– Не пойти ли вам покурить, ребята? – спросила я. – Все равно объявлен перерыв в совещании.

Они вышли, а вместо них в моем кабинете появился мужчина действительно весьма элегантной внешности – светло-серый костюм, бабочка, мягкая шляпа с круглыми полями, идеально подстриженная борода, очки в тонкой металлической оправе, которая стояла, на мой взгляд, долларов пятьсот, тонкая тросточка с вделанным в ее головку круп-

ным изумрудом. Признаюсь, я не видела такого экземпляра не только среди своих посетителей, но и в Тарасове вообще.

И тем не менее его внешность показалась мне чем-то знакомой.

Я вглядывалась в него, наверное, слишком пристально, и он это заметил. Мужчина усмехнулся, достал из внутреннего кармана пиджака фотографию и сказал:

– Не трудитесь понапрасну, пытаюсь вспомнить, где мы с вами познакомились. Нигде. Хотя вы, конечно, меня знаете. Правда, запомнился я вам скорее всего совершенно в другом виде. Например, вот в таком...

Он протянул мне фотографию.

– Господи! – воскликнула я. – Ну, конечно. Но я надеюсь, вы меня извините.

– Меня это несколько не обижает, – усмехнулся он, – а, напротив, очень радует, что меня помнят именно в этой роли. Кстати замечу, что Мефистофель – одна из моих любимых ролей.

– Вам нравится ощущать себя демоном зла? – спросила я невинно: я люблю давать людям возможность блеснуть эрудицией и почувствовать себя чуть-чуть умнее меня – это их, как правило, расслабляет.

– Ну что вы, что вы! – снисходительно улыбнулся он. – С Мефистофелем дело обстоит гораздо сложнее. Это очень неоднозначная... хм... фигура.

Он посмотрел на меня внимательно, даже с каким-то на-

меком, наверное, порисоваться захотел, и произнес медленно и как-то подчеркнуто многозначительно:

– «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...» Обожаю эту фразу, хотя, должен признаться, в остальном мне гораздо больше нравится перевод Бориса Пастернака...

Я неопределенно хмыкнула, продолжая изображать полную девственность во всем, что связано с интерпретацией образа Мефистофеля. Совершенно необязательно сообщать ему о том, что я по образованию – филолог.

Маринка внесла две дымящиеся чашки и, по-видимому, слышала его последние слова, потому что завелась с пол-оборота. Она тоже кончила филфак, и ко всему прочему Гете – ее любимый писатель.

– А вы знаете, что три года назад, – сказала она, ставя перед нами чашки с кофе и глядя на него блестящими от возбуждения глазами, – появился новый перевод «Фауста», сделанный одним из сегодняшних авангардистов. И там фраза, которую вы только что произнесли, звучит просто чудовищно! «Я часть того, что женщины хотят, но это несущественно, поскольку оставшаяся часть есть то, чего хотят мужчины»! Какое самомнение и какая ненависть к женщинам! Арнольд Васильевич, а в том, как вы играете Мефистофеля, есть какое-то ваше личное отношение к женщине?

– Марина! – сказала я чуть повышенным тоном. – Спасибо за кофе.

Маринка сверкнула на меня глазами, сказала: «Извините!» – и испарилась.

Арнольд Васильевич – я наконец-то вспомнила его фамилию: Салько – смотрел на дверь, которая закрылась за Маринкой, с некоторым удивлением. Я не стала дожидаться, когда он справится с собой, и спросила:

– А что, собственно, привело сегодня ко мне часть той силы, которая?.. И так далее.

– Ах да! – встрепнулся он. – Просто я, признаться, не ожидал... Конечно-конечно, я пришел не для того, чтобы рассказывать вам о Мефистофеле. Все гораздо проще и банальнее. Я бы даже сказал – постыднее. И даже – унижительнее. Но такова жизнь, таковы, извините, женщины, и не в моей воле изменить сложившуюся ситуацию. «Женщины таковы, каковы они есть, и больше – никаковы!» – как сказал один из тарасовских писателей. Впрочем, он, кажется, говорил не о женщинах, а о жизни...

– Арнольд Васильевич, прошу вас, – сказала я, – выразитесь яснее. Не могли бы вы просто и ясно, в двух словах изложить дело, которое привело вас ко мне?

– Да-да, конечно, – заторопился он. – Хотя должен признаться, что настоящее мое имя вовсе не Арнольд, а Алексей. Алексей Митрофанов. Арнольд Салько – это мой сценический псевдоним. Как-то лучше звучит, знаете ли, чем Алексей Митрофанов... Да-да, перехожу к делу. Так вот, моя супруга, Евгения Сергеевна Митрофанова мне... хм...

изменяет. Поверьте, я много думал перед тем, как прийти к вам. И все же пришел, как видите. У меня есть некоторые сомнения насчет... ее поведения. Я хотел бы, чтобы вы помогли мне их развеять.

– То есть подтвердить? – спросила я, удивляясь тому, как все удачно складывается: заработок, можно сказать, сам идет мне в руки.

– Боюсь, что опровергнуть их вам, при всем моем желании, не удастся, – сказал он, посмотрев на меня так, словно это я ему изменяла.

– То есть вы хотите, чтобы мы добыли свидетельства, подтверждающие факт супружеской измены со стороны вашей супруги? – спросила я, решив помочь ему сформулировать цель его визита.

Он кивнул головой и торопливо заговорил:

– Я все продумал. Сегодня у меня спектакль, кстати – мой любимый «Фауст». Она останется дома одна. Детей у нас, видите ли, нет... хм... Да! И я уверен, что на сегодня у нее запланировано свидание. Прямо в нашем доме. В моем, прошу заметить, доме! Прямо на супружеском, так сказать, ложе! Это уже верх... Верх бесстыдства и предательства! Я еще понимаю, там, гостиница или какая-то квартира для свиданий. Но дома! Это... Это переходит все границы!

– А почему вы обратились именно к нам, Арнольд... Извините, Алексей...

– Васильевич! – подсказал он. – Отчество я не менял. Оно

у меня благозвучное... Но в том, что я пришел к вам, а не в частное детективное агентство, виноваты, пожалуй, вы сами. Меня просто поразила оперативность, с которой появляется информация в вашей газете. Это просто удивительно! Я читал в «Свидетеле» о том, что произошло буквально три-четыре часа назад! «Эти люди умеют работать, – сказал я себе. – И работают быстро! Я пойду именно к ним!» И я пришел, как вы можете убедиться... Разумеется, я заплачу. Я не хочу, чтобы результаты этого расследования появились в газете, и понимаю, что в этом случае вы работаете как бы не совсем в своих интересах, ведь вас в первую очередь интересуют, наверное, те материалы, которые вы можете опубликовать. Поэтому я готов оплатить все ваши издержки и компенсировать ваше рабочее время по любым предложенным вами расценкам. Я человек не бедный, да и проблема моя такова, что мне не подobaет скупиться.

– Хорошо, – сказала я. – К этому вопросу мы еще вернемся. Прежде всего, скажите мне, какие именно свидетельства измены вы считаете достаточными для установления факта супружеской неверности?

– Ну-у-у... – Он покраснел, собираясь ответить, и я уже поняла, чего он от нас сейчас потребует. – Я бы счел достаточным доказательством фотографии самого факта супружеской неверности.

– То есть фотографии вашей жены в постели с другим мужчиной? – уточнила я, несколько не собираясь помогать

ему преодолевать свое смущение, ведь это он сам ставит такие условия.

– Да! – внезапно воскликнул он с какой-то ненавистью. – И чтобы было видно ее лицо! Чтобы я не думал потом, что вы подсунули мне фотографии другой женщины, чтобы вытянуть из меня гонорар!

«Ах ты, козел! – подумала я. – Это тебе дорого обойдется!»

– Само собой разумеется! – ответила я спокойно. – Вы хотели бы так же видеть и лицо мужчины?

– Да! – сказал он, немного запнувшись. – Непременно – хотел бы!

– Это будет стоить тысячу...

Он снисходительно улыбнулся.

– ...долларов, – добавила я, безмятежно на него глядя.

Улыбка застыла на его лице, но я знала, что он не откажется – он слишком много уже рассказал мне о себе и своих проблемах, чтобы уйти просто так и сомневаться потом – не стану ли я разносить эту историю по всему городу или, чего доброго, не напишу ли об этом в своей газете. Он, конечно, может подать на меня потом в суд, но дело-то уже будет сделано...

– Я согласен, – выдавил он из себя, но я решила, что нужно его добить, слишком высокомерно и агрессивно он держался.

– Вынуждена просить у вас предоплату, – сказала я, ста-

раясь выглядеть смущенной.

— Конечно-конечно, — засуетился он, но я видела, что мои слова вызвали у него беспокойство. — Я понимаю... С-сколько?

— А что это вы заикаетесь? — спросила я невинно. — Пятьдесят процентов.

— Да-да, — сказал он рассеянно. — Я готов заплатить сейчас же.

— Как, уже сейчас? — спросила я удивленно. — Вы носите с собой такие суммы? Это, знаете ли, рискованно... Впрочем, это не мое дело. Если мы с вами договорились, то попрошу дать ключи от вашей квартиры, нарисовать ее план и сообщить, в какое время вашей жены не будет дома, чтобы я могла ознакомиться с обстановкой на месте. Вот вам лист бумаги и ручка.

Он выложил из кармана ключи с брелоком, на котором была изображена сцена из Кама-сутры, и немедленно покраснел, заметив мой взгляд на брелок. Затем он вытащил бумажник и отсчитал пятьсот долларов; я выдала ему расписку и заставила подписать расписку и для меня — мол, столько-то выплачено авансом такой-то за такого-то рода услугу. Этим я хотела немного подстраховаться, если у налоговой полиции, на отсутствие внимания которой к «Свидетелю» в ближайшем будущем я не могла надеяться, возникнут вопросы о происхождении этой суммы.

Потом он принялся изображать на листе бумаги свою

квартиру, и я поразились размерам его жилья. Это была пятикомнатная квартира площадью, как он мне не без гордости сообщил, в сто тридцать метров, расположенная в двух уровнях. Если добавить, что дом, в котором находилась квартира, стоял в самом центре городской зоны отдыха, где метр жилья стоил астрономическую сумму, то придется признаться и в том, что меня озадачила и стоимость его жилья.

Откуда у артиста областного театра, пусть у ведущего артиста, такая собственность?

Но это было, в конце концов, не мое дело – устанавливать источник доходов артиста нашего Академического театра драмы Арнольда Салько, «по-уличному», как говорила моя карасевская бабушка, прозывавшегося Алексеем Васильевичем Митрофановым.

Я сунула деньги в сейф вместе с ключами, и мы договорились, что я приду в шесть часов, когда он будет уходить из дома в театр. Его супруга в это время всегда отсутствует – он сам приучил ее уходить из квартиры, когда он готовится к спектаклю. Он делал это в своих творческих интересах, горько добавил он, а она использовала время в своих, предательских по отношению к нему, целях.

Проводив его, я позвала своих приунывших уже опять соратников и заговорщицки на них посмотрела.

– Ну? – спросил меня Виктор, от которого обычно слова не добьешься. – Что?

– Какой ты сегодня у нас разговорчивый! – не преминула

я его кольнуть. — А ничего! На ловца и зверь бежит! Сначала я вам прочитаю несколько строк из нашего устава.

Я взяла в руки лист бумаги с подчеркнутыми мной строчками:

— Вот... Виды деятельности... В них среди прочего записано: «...Оказание платных услуг гражданам, организациям и предприятиям в установлении по их просьбе фактов, связанных с их личной жизнью и жизнью членов их семей, направленных против их интересов деятельностью их партнеров, конкурентов и политических противников». Я помню, как я ломала голову, чтобы как-то внести в устав формулировку о журналистских расследованиях. Мне это сделать категорически не разрешили, их, видно, слово «расследование» испугало, а вот против этой казуистической белиберды ни один чиновник не возразил. А в результате мы теперь имеем возможность заниматься — причем без всякой лицензии — тем, что обычно делают частные сыскные конторы. У нас это называется — «журналистское расследование». С сегодняшнего дня это занятие и становится нашим основным видом деятельности. До тех самых пор, пока не заработаем средства на выпуск газеты или не добьемся открытия счета в банке. Или пока не найдем тех, кто вставляет нам палки в колеса. А желающих сделать это — немало, как я понимаю...

Я обвела глазами мою притихшую «команду». Все трое сидели молча и прикидывали, каждый по-своему, чем все это обернется.

– Теперь следующий документ...

Я взяла в руки расписку, которую мне только что оставил артист.

– Читаю: «Я, Митрофанов Алексей Васильевич, подтверждаю факт выдачи мною аванса в пятьсот долларов редактору газеты «Свидетель» Ольге Юрьевне Бойковой в качестве оплаты за организацию и проведение журналистского расследования фактов частной жизни моей семьи, а также за предоставление мне фотографических доказательств факта супружеской неверности моей жены». Число, подпись. Печати, естественно, нет.

Помолчали. К моему удивлению, сообщение мое никакого энтузиазма не вызвало. Кряжимский мрачно смотрел в окно, Маринка хмурилась, а у Виктора губы подрагивали, словно он хотел что-то сказать.

– Что-то вы не рады... – заметила я, поджав губы. – Ну-ка высказывайтесь, у кого какой камень за пазухой припрятан?

– У меня, собственно, не камень, – тут же отозвался Сергей Иванович. – У меня недоумение. Я просто не знаю, чем могу быть полезен в такого рода журналистской, если можно так выразиться, работе? Фотографировать я не умею, да и есть у нас фотограф, а кроме того, вы тоже отлично снимаете, Оля... Нет уж, прошу меня уволить...

– Увольнять я вас не собираюсь, – отозвалась я. – Но и подключать к этому делу не предполагала. Вы, Сергей Иванович, будете разбираться с налоговой инспекцией, аресто-

вавшей наш счет. Это задание очень важное, как вы сами понимаете, и не думаю, что оно окажется приятнее того, чем придется заниматься мне.

– В таком случае, – Сергей Иванович встал и направился к двери, – позвольте мне не отвлекаться от этого поручения.

И ушел!

Я прямо дрожала вся внутри от злости, а вернее сказать – от обиды. Он, видите ли, не желает иметь к этому никакого отношения.

Чистоплюй!

А когда мы сделаем все без него и возобновим выпуск «Свидетеля», он на нас же будет поглядывать свысока, коситься на наши замаранные руки! Ну и пусть идет! Обойдемся! Обходились же раньше.

– Кто следующий? – спросила я. – Марина?

Но Маринка молчала. А вперед неожиданно вылез наш молчун и заявил:

– Не могу.

– Что не можешь? – не поняла я.

– Подставляю. Ребят, – выдавал он по одному слову и вдруг разразился целой фразой: – Если я в чем-нибудь ошибусь, через меня на них выйдут, я себе этого не прощу...

«Да-а! – подумала я. – Это посерьезнее, чем чистоплюйство Кряжимского. Если Виктор на какой-нибудь ерунде загремит в ментовку – ну, например, супруга Салько обнаружит его в своей квартире и вызовет милицию, – вполне мо-

жет выплыть его связь с друзьями-«афганцами». Это для него они друзья, а для милиции – организованная преступная группировка, и милиции, так же как и генералу Синицкому, наплевать, что это именно Витькины друзья помогли мне разоблачить убийц Дубровиной. Они действовали незаконными способами, и это станет основанием для того, чтобы их осудить...»

Я вспомнила, как командир группы «афганцев» Эдик хладнокровно и методично стрелял одному из бандитов сначала в руки, затем в ноги, пока тот не сказал, кто был заказчиком этого убийства, и у меня мурашки по спине пробежали. За такие методы можно схлопотать немало, и суд вряд ли примет во внимание, что действовал Эдуард во имя справедливости. Это был самосуд, ни больше ни меньше. Пытка...

Да, Витьке лучше всего не проявлять сейчас никакой активности...

Я вздохнула и перевела взгляд с Виктора на Маринку. И... И не стала ее ни о чем спрашивать. Наша «Мисс Справедливость» сейчас начнет читать мне мораль о том, как безнравственно вмешиваться в чужие личные отношения, тем более в отношения мужа и жены. Слушать мне все это не хотелось вовсе.

Она молчала, и я промолчала тоже. Поняли друг друга. Без слов.

«А знаете, ребята, – подумала я. – А ведь вы меня сейчас бросили! Оставили одну. И теперь будете наблюдать со сто-

роны и ждать, чем все это закончится, как я сумею справиться с ситуацией, в которую залезла... А может быть, я напрасно согласилась помогать этому провинциальному Мефистофелю? Дело, и правда, выглядит не особенно привлекательно. Фотографировать женщину, когда она, ничего не подозревая, любит мужчину, искренне ему отдается, ведет себя очень раскованно и свободно, думая, что она в полной безопасности... Ведь можно сделать снимки весьма пикантного свойства... А потом передавать эти снимки ее мужу... Это, знаете ли... Если бы со мной устроили такое, я обязательно нашла бы этого фотографа и задушила своими руками! Мне, правда, нечего опасаться в этом смысле – мужа у меня нет и в ближайшее время не предвидится. Снимки передавать некому».

Но я не могу отступать, тут же решила я. Если я быстро справлюсь с этим делом, у меня будет вполне достаточно средств, чтобы зарегистрировать еще одну газету, назвать ее, скажем, «Свидетель-2» и продолжить нашу так удачно начавшуюся работу. Все они тогда опять будут рядом со мной, но я уже не буду чувствовать к ним того расположения, которое помогало мне самой верить в успех и черпать энергию из их поддержки.

Ладно, хватит ныть и морочить себе голову! Нужно дело делать.

– Ну что ж, – сказала я, не глядя на Виктора с Маринкой. – Вы, пожалуй, меня одну сейчас оставьте, мне надо подумать

спокойно. И прошу вас больше не говорить ни слова, я и так поняла достаточно.

Маринка еще раз сверкнула глазами и вышла. Виктор, потоптавшись, поплелся за ней. Он был явно расстроен. Он понимал, что фактически бросал меня в одиночестве, но и ребят своих подставлять не мог. Вот и мялся в полной нерешительности.

Да ну их всех к черту! – решила я. Справлюсь и одна, без их помощи.

Да и что тут сложного! Спряталась заранее в квартире, выбрав удобный ракурс для съемки, и, когда любовное свидание будет в самом разгаре, сделала несколько кадров – и все, свободна, можешь сразу уходить, пока любовники заняты друг другом, можешь подождать, пока они сами уйдут или заснут наконец. Потом берешь с заказчика еще пятьсот, передаешь ему снимки – и дело сделано! Да я сегодня же со всем этим управлюсь!

До шести часов время еще было, но мне не хотелось оставаться в редакции, и я отправилась в кафе, заранее прихватив фотоаппарат и все необходимое для съемки.

Не могу сказать, что я весело провела следующие два часа, но по крайней мере не наталкивалась поминутно на Маринкин укоризненно-осуждающий взгляд и не видела тоскливого выражения на лице Виктора.

Я хорошо пообедала, раз уж мне время девать было некуда, и даже выпила немного хорошего французского вина –

терпкого, но легкого.

Мне уже можно было и уходить, чтобы не спеша, спокойным шагом добраться до зеленой парковой зоны, где располагался дом Митрофанова-Салько, когда за мой столик подвели два молодых, да что там, совсем зеленых паренька.

– По-нашему, это шок! – сказал один. – Смотри, Сашка, какая девочка!

Я промолчала. Сашка встал, подошел ко мне сзади и наклонился надо мной.

– Девушка! – обратился он уже непосредственно ко мне. – Если, конечно, вас можно так называть... Вам не нужны спарринг-партнеры?

– Сопливые – нет! – отрезала я, вставая и направляясь к выходу.

«Уроды! – подумала я, выйдя из кафе под взрывы их хохота. – Девочку нашли с панели! Щенки сопливые!»

Но, уже идя по улице, я почувствовала, что раздражение мое не так уж велико, как я сама себе хочу это изобразить. Мальчишки, конечно, сопливые и наглые, но... Если на меня такие сопляки внимание обращают, значит, у меня все в порядке. Не так ли? Сам факт мужского внимания... Господи! Какого еще мужского? Вчера только с горшка слезли и сразу – по бабам!

Ну их к черту, в самом деле! Что мне, думать больше не о чем?

Подумать, наверное, было о чем, поскольку я уже стояла

перед четырехэтажным, но в то же время всего четырехквартирным домом Митрофанова-Салько, расположенным в самом тихом уголке нашего городского парка имени Короленко.

Глава 2

Дверь мне открыл Арнольд Васильевич Салько, он же Алексей Васильевич Митрофанов. Он заметно нервничал, хотя и старался этого не показывать.

– Ну что вы встали на пороге! – буркнул он, увидев меня. – Проходите, не торчите в дверях!

Щеки его были намылены, он, похоже, брился, когда я позвонила в дверь его квартиры.

«А где же борода? – удивилась я. – Неужели это был лишь грим? Насколько же в таком случае он любит играть, что занимается этим не только на сцене, но и в жизни».

– Сварите пока себе кофе, если хотите, – сказал он. – Я сейчас.

И скрылся в ванной. Оттуда слышался плеск воды и нарочито бодрое пение. «Люди гибнут за металл...» – разобрала я, прислушавшись.

«Хм, сатана! – подумала я о нем скептически. – В образ входит!»

Я, следуя его совету, сварила себе кофе, без труда разыскав все необходимое для этого на кухонном столе, и сидела на кухне, поджидая хозяина.

Алексей-Арнольд Васильевич появился на кухне в том же элегантном сером костюме, в котором приходил в редакцию. Он был выбрит, благоухал дорогим одеколоном и походил

больше на какого-нибудь благообразного серафима, нежели на Мефистофеля.

– Надеюсь, вам понравился кофе? – неприязненно спросил он у меня, совсем не по-ангельски сверкнув на меня злыми глазами. – Идите, я покажу вам предполагаемое место действия.

Отнеся его нервозность и агрессивность на счет его неприятностей с супругой, я не стала обращать на его хамство никакого внимания, а спокойно последовала за ним по коридору.

Митрофанов провел меня в спальню – просторную комнату, центр которой был занят огромной кроватью. У меня вертелся на языке вопрос – откуда у Арнольда-Алексея взялись средства, чтобы приобрести себе столь роскошную квартиру и обставить ее такой шикарной мебелью, но я постоянно останавливала себя мыслью о том, что это меня нисколько не касается.

– Думаю, что это произойдет здесь! – театральным жестом указал он на постель.

Я оглянулась по сторонам. Кроме кровати, пары тумбочек и огромного зеркала в полстены, в спальне ничего не было.

– Но... – сказала я. – Не вижу возможности занять здесь удобную для съемки позицию. Не думаю, что мне удастся сделать из-под кровати снимки, которые вас удовлетворят. А больше здесь укрыться, по-моему, нигде...

Он посмотрел на меня презрительно.

– Не считайте меня идиотом! – заявил он мне. – Идите за мной.

Я пожалала плечами и поднялась по винтовой лестнице на второй этаж. Артист провел меня в комнату, которая, как я сразу поняла, служила библиотекой, поскольку была сплошь уставлена стеллажами с книгами.

Он откинул ковер и вынул из пола квадрат паркета размером примерно пятнадцать на пятнадцать сантиметров. Под ним, к моему удивлению, оказалось отверстие в бетонной плите перекрытия.

– Снимать будете отсюда, – сказал он. – Эту комнату я закрою на ключ. У жены ключа от нее нет, поэтому обнаружить вас здесь она не сможет. Вам я оставляю второй ключ, чтобы вы могли выбраться отсюда, когда посчитаете, что сделали все, что от вас требуется. Ключ от входной двери у вас есть. Можете курить, если хотите, я всегда курю здесь, и запах табачного дыма не вызовет у жены никаких подозрений. Если будете сидеть здесь тихо и не топтать, как слониха, ни она ни он ничего не заподозрят. Вопросы есть?

– Всего один, – сказала я. – Когда вам передать снимки?

– Сегодня! – отрезал он. – Как только проявите пленку, везите ее мне в театр. Я не желаю сюда возвращаться, пока не узнаю всего, что здесь сегодня произойдет! Буду ждать вас в театре, у себя в гримерке.

– Тогда все, – сказала я. – Запирайте.

Он вышел, гулко хлопнул дверью и запер ее снаружи, не

сразу попав ключом в замочную скважину.

«Нервничает! – подумала я. – А кто бы на его месте не нервничал?»

Я закурила, отыскав пепельницу с несколькими окурками «Винстона», и приготовилась ждать не меньше часа. Хлопнула входная дверь, это я услышала очень отдаленно и поняла, что входная дверь от библиотеки очень далеко и мне стоит прислушиваться, если я не хочу обнаружить в квартире присутствие объекта съемки неожиданно для себя.

Но пока я была уверена, что в квартире, кроме меня, никого нет, и не старалась ходить особенно осторожно. Я осмотрела библиотеку и поняла, что она не представляет для меня абсолютно никакого интереса.

Здесь была в основном классическая литература, причем далеко не в академических изданиях, а скорее в наиболее доступных для массового читателя. Русская классика была представлена довольно полно, но только избранными сборниками, подборка зарубежной классики обнаруживала весьма скромные познания хозяина в этой области, и уж совсем меня доби́ли полки, сплошь уставленные сборниками детективов в ярких пестрых обложках.

– Однако... – пробормотала я. – Ни одной книги по театру. Странно!

Но поразмышлять на эту тему мне не пришлось. Я услышала отдаленный стук входной двери и мгновенно замерла. Похоже, скоро мне придется приступить ко взятым на себя

обязанностям тайного соглядатая.

Я на цыпочках подошла к отверстию в полу и осторожно опустила на колени около него. Отверстие было закрыто внизу прозрачным пластиком, слегка подернутым какой-то дымкой, но видно через него было прекрасно.

Правда, я не могла видеть дверь в спальню, но вся кровать была передо мною как на ладони. На ней пока никого не было, и, просидев минут пять в ожидании, словно рыбак с удочкой на берегу реки, я сразу же приуныла. У меня уже и ноги, как мне казалось, затекли, и спину ломило от неудобной позы, и глаза начали слезиться от напряженного вглядывания в отверстие.

«Ничего, в конце концов, не случится, – подумала я, – если я начну наблюдать не с самого начала. Сейчас эта женщина одна, и я все равно не смогу снять то, что обещала. Да и куда мне спешить? Что же они, так с разбега начнут трахаться? Сначала прелюдия какая-нибудь будет, ля-ля там всякие, а мне что же, все это наблюдать?»

Я вытянулась на полу и стала прислушиваться. Но, как я ни напрягала свой слух, ничего услышать мне не удалось. Женщина ходила по квартире тихо как тень, не хлопала дверями, не топала ногами, не гремела посудой, не включала телевизор или музыку какую-нибудь.

«Что она как в гостях? – подумала я с досадой. – Странная какая-то!»

Я пролежала минут пятнадцать, мне это дело порядком

надоело, и я решила посмотреть, что внизу делается? К моей досаде, едва взглянув, я поняла, что обстоятельства могут серьезно помешать мне справиться с предстоящей задачей. За окнами начало темнеть, и в комнатах разлились сумерки, которые сгустились с каждой минутой.

Внизу я увидела женщину. Она лежала поперек кровати одетая и мечтательно смотрела прямо на меня. Я даже отпрянула в первую секунду, но потом сообразила, что вряд ли она меня видит – я обратила внимание на потолок спальни, когда была там, – на нем не было и намека на какое-либо отверстие. Снизу она ничего не могла заметить на потолке.

Я принялась рассматривать лежащую женщину, насколько, конечно, позволяло освещение. Она была хрупкой, и меня даже поразило, насколько тонкая фигура у супруги этого Арнольда-Алексея. Лица ее я толком не видела, стало уже довольно темно, но мне оно показалось красивым.

Женщина отвела от меня взгляд, перевернулась на бок, потом встала с кровати и, посмотрев на зеркало, протянула к нему руку. В тот же миг зажглись какие-то светильники, которых я не заметила, когда была в спальне. Наверное, они располагались по краям зеркала, судя по тому, как падал свет на кровать.

Женщина села на край кровати и стала смотреть куда-то в стену.

«Да не в стену, – сообразила я через несколько секунд, – а на дверь. Ждет. Любовника ждет... Только что-то она стран-

но как-то держится, как в чужой квартире. Вину, что ли, перед мужем чувствует?»

Успокоив себя подобным образом, я продолжала наблюдать, мысленно поблагодарив сидящую внизу за то, что она включила свет.

Наблюдала я за ней, наверное, минут пять, и она все больше удивляла меня своей скованностью, словно находилась не в привычной для себя обстановке, а в совершенно незнакомой, чужой квартире.

Я чувствовала какое-то напряжение, рождающееся во мне от этой неестественности, и никак не могла понять, в чем же тут дело.

Звук еще раз хлопнувшей входной двери заставил меня вздрогнуть и приготовиться к тому, что события начнут наконец-то развиваться побыстрее.

И они начали развиваться! Но таким неожиданным для меня образом, что я десять раз пожалела, что согласилась на эту аферу!

Женщина тоже услышала, как хлопнула дверь, потому что она заметно напряглась и в то же время как-то успокоилась, что ли. По крайней мере ее поза стала более непринужденной, и смотрела она на дверь теперь уже с откровенным ожиданием.

Ее ожидание невольно передалось и мне. Я пристально всматривалась в застывшую на кровати женщину, сидящую в изящной, хотя и несколько театральной позе.

Внезапно свет в комнате погас. Это было для меня слишком большой неожиданностью и слишком большим препятствием для выполнения поручения, за которое я столь опрометчиво взялась.

Я чертыхнулась и принялась шарить в своей сумке в поисках фотовспышки, решив, что я сделаю кадр, пусть и не тот, который мне заказывали, но все же сделаю.

Свет они выключили! А я даже не видела лица этого самого любовника, которого с таким напряжением ждала жена Салько. Мне нужны деньги на выпуск газеты, и я их добуду! Я сделаю снимок со вспышкой! Конечно, это вызовет переполох внизу, но, надеюсь, они так и не поймут, в чем дело, — возможно, подумают, что это свет от фар машины, которая развернулась прямо под окнами дома.

Я обшарила всю сумку. Вспышки не было!

Когда я это поняла, лицо у меня, очевидно, вытянулось от удивления, но я вновь прильнула к своему наблюдательному пункту. В сгустившихся сумерках видно было очень плохо, но кое-что я все же разглядела, и это привело меня в состояние душевного трепета. Не каждый день, согласитесь, становишься свидетелем убийства!

Внизу, подо мной, боролись две тени.

Я видела темную фигуру, явно мужскую, которая нависла сверху над лежащей на кровати женщиной. Я не сразу поняла, что там у них происходит, и вначале подумала, что это такая бурная любовная прелюдия. Женщина отчаянно сопро-

тивлялась действиям мужчины и, как мне показалось, била его руками и пыталась оттолкнуть ногами. Когда до меня дошло, что никакая это не любовная игра, что мужчина пытается задушить женщину, а та ему сопротивляется, я, плохо соображая, что делаю, схватила фотоаппарат и сделала несколько снимков, пока не сообразила, что при таком освещении вряд ли что-нибудь получится, хотя я и зарядила свой фотоаппарат очень чувствительной пленкой.

Но он ведь задушит ее, черт возьми! Надо помешать ему! Я не собираюсь становиться ни соучастницей преступления, ни свидетельницей убийства!

Схватив ключ, я бросилась к двери библиотеки. Ключ не подходил к замку! Что за новости?

Я растерялась.

Догадка о том, что меня заманили в ловушку, промелькнула в моей голове. Не успев даже дать ей сформироваться в четкую мысль, но уже окончательно в нее поверив, я вновь бросилась на пол, к своему окошку, устроенному в полу библиотеки.

Внизу уже было все кончено. Убийца стоял на коленях над женщиной и, вероятно, смотрел на нее. Насколько мне было видно в неясном сумеречном освещении, женщина лежала неподвижно. Неужели он ее задушил?! Зачем? Господи! Зачем?! Это же любовное свидание! Что он на нее набросился?!

Плохо понимая, что делаю, я закричала вниз, в потайное

окошко, через которое наблюдала:

– Что ты сделал, урод! Зачем?

Услышав, наверное, мой голос, мужчина вскочил и поднял голову к потолку. Я рефлексивно нажала на кнопку спуска фотоаппарата, в тот же миг осознав, что это и есть сам Салько, который прямо из театра в гриме и костюме Мефистофеля явился домой, чтобы расправиться с неверной женой. Но зачем он это сделал? Нервы, что ли, не выдержали? Он же сам посадил меня на этот наблюдательный пункт наверху с фотоаппаратом! Пусть у меня не оказалось вспышки, но я же все равно его сфотографировала и надеюсь, что столь примечательный костюм и яркий грим можно будет разобрать даже на очень темном снимке.

«По-моему, он сошел с ума! – подумала я о Салько. – Он не отдает отчета в своих действиях».

Когда я посмотрела вниз еще раз, Салько в комнате уже не было. Через несколько секунд я услышала, как хлопнула входная дверь.

Мне нужно было выяснить, что с этой женщиной, которая все так же неподвижно лежала на огромной кровати в комнате подо мной.

Я вновь бросилась к двери, но тут же вспомнила, что она закрыта, а ключ, который оставил мне артист, к ней не подходит.

Это меня несколько отрезвило. Я остановилась, пошарила по столу, нашла свои сигареты и закурила.

Надо спокойно, не спеша подумать.

Если женщина жива и вскоре придет в себя, я просто оказываюсь в идиотской ситуации, сидя в этой библиотеке взаперти. Но это ладно, в конце концов кто-нибудь меня отсюда выпустит: или сам артист, или его жена, которой он устроил эту дикую сцену внизу. Тогда мы с ним выясним отношения, и, скажу честно, я ему в этом случае не завидую... Я не угрожаю, но я знаю себя хорошо!

Да, но это только в том случае, если женщина внизу жива... Если же он ее все же задушил, то ситуация меняется очень резко и не в мою пользу. Он может заявить, что вообще не возвращался домой и понятия не имеет, что у нас тут произошло и почему я... Да-да, именно я! Почему я задушила его супругу! Это же самая обычная подставка! Как я сразу этого не поняла? Идиотка!

Постойте-ка, но как я могла ее задушить, если я сижу взаперти в этой библиотеке и не могу отсюда выйти? Если дверь закрыта, значит, ее кто-то закрыл, но уж никак не я, поскольку ключ, который у меня есть, к замку совершенно не подходит!

Я даже рассмеялась от облегчения. Нет, что-то он тут недодумал, если собирался меня подставить и свалить на меня убийство своей жены! К тому же у меня есть фотоснимки, сделанные в момент убийства! Правда, они неважного качества, но на них, надеюсь, все же можно разобрать, что душит женщину мужчина и что он в гриме Мефистофеля, как раз

в том, в котором сегодня выступает Салько!

«Нет, он точно сошел с ума!» – подумала я еще раз, пытаюсь успокоить себя, так как мне все же было весьма тревожно оттого, что я вновь ввязалась в какую-то криминальную историю.

Сигарета у меня догорела, и я решила зажечь свет, чтобы найти пепельницу. Раз уж я не имею к тому, что произошло внизу, никакого отношения и это вполне очевидно, то какой же смысл мне сидеть в потемках?

Я нашарила на стене выключатель и зажгла свет. Бросила взгляд на стол, и первое, что я на нем увидела, был ключ. Растерянно подойдя к столу, я посмотрела на второй ключ, который все еще держала в руке. Он был совершенно не похож на тот, что лежал на столе. Схватив ключ со стола, я бросилась к двери и дрожащими руками попробовала открыть ее. Ключ легко повернулся, и дверь открылась. Мое «железное» алиби наполовину рассыпалось.

У меня не было доказательства, что я не могла выйти из комнаты, а потом вновь в нее войти и закрыть ключом за собой дверь. Правда, у меня оставались снимки, но я сильно сомневалась, что условия съемки позволят мне сделать отпечатки, которые послужат убедительным доказательством для неизбежного следствия, которое завтра же начнется по этому убийству.

Схватив свою сумку и сунув в нее на ходу фотоаппарат, я скатилась по винтовой лестнице и ворвалась в полутемную

спальню.

Женщина при моем появлении не пошевелилась.

Она лежала в очень неестественной позе, приподняв грудную клетку, словно собиралась и никак не могла вздохнуть. Ноги были разбросаны в стороны и слегка подогнулись в коленях. Левая рука безжизненно свисала с края кровати, а правая вцепилась в покрывало, собрав его в складки. Лица ее мне не было видно, и я тихонько подошла поближе, пытаясь разглядеть его получше в тусклом свете фонарей, пробивавшемся с улицы.

Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять, что она задушена. Красивое лицо с тонкими чертами было искажено уродливой гримасой, и казалось, что она злобно смеется над моими надеждами, что все еще обойдется и я не окажусь свидетельницей убийства.

Свидетельницей! Если меня здесь сейчас кто-нибудь застанет, я окажусь уже не свидетельницей, а главной подозреваемой!

И мне придется доказывать, что я не совершала этого убийства. Ну уж нет, спасибо! Надо поскорее отсюда убираться!

Я нашарила в кармане ключи с камасутровым брелоком и, осторожно шагая мимо кровати, направилась к выходу. В коридорах квартиры было уже совсем темно, сюда не доходил свет от фонарей, пробивавшийся в окна, и квартира от этого приобрела зловещий и даже какой-то угрожающий

вид. Мне, честно сказать, было страшновато.

Звук открывающейся двери застал меня напротив кухни, и я, ни секунды не размышляя, проскользнула в нее, не желая встречаться с тем, кто сейчас входил в квартиру, кто бы он ни был!

Я стояла, прижавшись к стене кухни, и настороженно прислушивалась к шагам в темном коридоре. Ничего хорошего от того, что меня обнаружат, я не ждала. Если это милиция, мне оправдаться не удастся, это я понимала. Если это вернулся убийца – тем более! Он мог вернуться только в одном случае – если вспомнил, что я все видела, сидя наверху, и даже, возможно, сфотографировала, как он душил свою жену, и теперь он расправится со мной, чтобы уничтожить свидетеля своего преступления.

Я машинально пошарила по столу рукой и схватила попавшуюся под руку вилку.

«Нет! – подумала я. – Со мной так легко ему расправиться не удастся!»

Человек, вошедший в квартиру, был один, шел очень осторожно, свет не зажигал, но кухня его не интересовала. Я слышала его тихие шаги и поняла, что он направляется к спальне, на место убийства.

«Может быть, он что-то оставил в спальне? – подумала я. – Какой-нибудь предмет, по которому его можно опознать? И теперь за ним вернулся?»

Осторожно выглянув из кухни, я увидела темную фигуру

в конце коридора, открывающую дверь в спальню.

Дальше события стали развиваться совершенно непредсказуемым образом.

Во-первых, в спальне зажегся свет и тут же раздался приглушенный крик. Словно человек, вошедший в спальню, совершенно не ожидал увидеть в ней убитую женщину.

Во-вторых, вслед за этим отчетливо прозвучало женское имя. Я ожидала всего, чего угодно, но только не того, что голос Салько, который я тотчас узнала, хотя он был искажен ясно звучащей в нем интонацией удивления и страха, произнесет вместо имени своей жены другое женское имя.

– Настя?! – вскрикнул Салько, и свет в спальне тотчас погас.

Я отпрянула вновь к стене, а мимо меня пронесся по коридору Салько и, выскочив за дверь, торопливо закрыл ее на замок.

Окончательно потеряв какое бы то ни было представление о происходящем у меня на глазах, я бросилась вслед за ним из квартиры.

Только оказавшись на улице и отойдя от злополучного дома на порядочное расстояние, я испытала некоторое облегчение.

Кажется, на этот раз пронесло! И что у меня за удивительная способность ввязываться в истории! Впрочем, нет худа без добра. Если бы я не ввязывалась в истории, разве мне удалось бы так поднять тираж «Свидетеля» всего за несколь-

ко номеров?

И что за дурацкая у меня привычка настаивать на своем, не прислушиваясь к советам людей, которые мне не желают ничего плохого, а, наоборот, хотят предостеречь от необдуманных поступков!

Почему я не выслушала Маринку сегодня в редакции? Высокомерно промолчала. А ведь она, пожалуй, сумела бы меня отговорить от этой дурацкой затеи! Разве я по-другому не могла решить свои проблемы? Обязательно мне было соглашаться на предложение этого Мефистофеля, брать с него деньги, давать ему расписку?!

Я внезапно остановилась и чуть не села на асфальт, поскольку ноги у меня подкосились.

Расписка!

Там же черным по белому написано, что я берусь за это дело, и число сегодняшнее стоит. И подпись на ней – моя.

Я даже застонала, вспомнив, как я курила в библиотеке и пила кофе на кухне.

Он же специально сказал мне и про кофе, и про то, что можно курить! И я как дурочка клюнула на обе его подставки!

И теперь в этой квартире полно моих отпечатков! И на кофейных чашках, и на пепельнице, и на полированном столе в библиотеке...

Да и еще, наверное, черт знает где! Я же могла наследить где угодно! Не возвращаться же сейчас туда и не протирать

же в этой квартире все подряд. Так мне до утра времени не хватит. А этот Арнольд-Алексей наверняка уже вызвал милицию и сообщил им, что в его доме лежит в спальне убитая мною его супруга.

Стоп! Но зачем же он вернулся второй раз и почему называл свою жену Настей? Ведь ее, если мне не изменяет память, зовут... Евгения? И еще, по-моему, его сильно удивило то, что он увидел в спальне. Удивило и ужаснуло.

Нет! Вряд ли он поднимет шум сразу, прямо сейчас, ведь убил-то ее он сам, когда приходил первый раз. Я ясно различила костюм Мефистофеля и грим, который ни с каким другим не спутаешь. Он не будет торопиться звонить в милицию. Вместо этого он, как обычно, поздно вернется из театра и непременно кого-нибудь пригласит с собой, чтобы обнаружить ее тело при свидетелях!

Я присела на скамейку у выхода из парка и приложила ладонь ко лбу. Голова моя пылала как в лихорадке.

«Что-то я совсем соображать перестала, – подумала я. – Я ведь знаю, что ее убил сам Арнольд! Мне нужно срочно найти подтверждение, что в момент убийства его не было в театре. Если к этому свидетельству я приложу фотографию, на которой, буду надеяться, хоть что-то можно разобрать, то мне удастся выпутаться и направить основные подозрения против него самого. У него ко всему прочему был и мотив для убийства – ревность! А у меня? У меня никакого мотива быть не может. Разве что – ограбление, но это слишком уж

неправдоподобно».

Немного повеселев, я решила тут же отправиться в театр и, не теряя времени, пока спектакль еще не закончился, найти свидетелей, которые подтвердят, что Арнольд Салько покидал театр незадолго до убийства.

Когда оно, кстати, произошло? Что-нибудь около восьми...

До театра пешком минут десять, а если на машине, можно успеть максимум за четыре.

Сколько он находился в квартире?

Минут пять.

Четыре минуты обратно.

Добавим по минуте на то, чтобы войти в дом, открыть-закрыть квартиру и выйти из дома.

Получается – пятнадцать.

Ему нужно было всего пятнадцать минут, чтобы совершить это преступление. Мог он выкроить четверть часа во время спектакля?

Я напрягла память, вспоминая спектакль, виденный мной полгода назад.

По-моему, там достаточно эпизодов, в которых Мефистофель подолгу не появляется на сцене. Надо только выяснить, какой эпизод шел во время убийства – начиная, скажем, с без четверти восемь до четверти девятого... А ведь есть еще антракт, во время которого можно смотреть даже и в более отдаленный район Тарасова, натворить там дел и благопо-

лучно вернуться, не привлекая ничьего внимания в театре!

Почти бегом я отправилась к театру. По моим расчетам, спектакль еще не должен был закончиться, и обилие идущих мне навстречу людей сильно меня беспокоило. Наверняка это были зрители, возвращающиеся из театра домой.

– Простите, – обратилась я к какой-то пожилой парочке, – не подскажете, спектакль в драме уже закончился?

Женщина раздраженно посмотрела на мои длинные ноги и ничего в ответ не сказала, а мужчина пробормотал как-то смущенно:

– Да, знаете ли... Раньше времени.

– А почему раньше? – спросила я, но они уже показывали мне свои спины.

«Что-то тут неладно! – забеспокоилась я, прибавив после этого разговора шаг. – Почему он сказал: «Раньше времени»?»

В фойе перед кассами театра все еще толпился народ. Часть зрителей, как я поняла, оккупировала кассу и требовала немедленно вернуть назад деньги за билеты. В окошке кассы мелькала растерянная физиономия главного администратора, который что-то бубнил, но его совершенно не было слышно за возбужденными голосами недовольных зрителей.

Вместо билетерш на входе непосредственно в театральное помещение, к гардеробу, стояли милиционеры.

– Послушайте, что случилось? – ухватила я за рукав какого-то парня лет шестнадцати.

Он дернул рукой, освобождая рукав своей джинсовой рубашки, и собирался пройти мимо, но бросил взгляд на мои ноги и остановился.

– Там кого-то убили, – сказал он. – Во время спектакля. А вы разве не оттуда?

Он показал рукой на вход, в котором маячила фигура милиционера.

Я покачала головой, пораженная его сообщением. Неужели милиция уже обнаружила труп и арестовала Салько? Но как они догадались, что убийца – он?! Может быть, он сам пошел к ним и признался? Такие случаи иногда бывают...

– Убили? – переспросила я с довольно тупым, наверное, видом. – Кто-то из артистов убил?

– А кто ж его знает, – пожал плечами парень. – А давайте я вас провожу и по дороге все расскажу! Вам в какую сторону?

– Подожди! – поморщилась я, все еще не понимая ничего. – А как же обнаружили труп?

– Откуда ж я знаю – как? – усмехнулся парень. – Прямо во время действия сначала визг за кулисами, потом вылетает на сцену какая-то тетка и орет благим матом: «Убили! Убили! Милицию вызывайте!» В зале шум, естественно. Артисты все со сцены – за кулисы. Потом выходит какой-то мужик в пиджаке, я так понял – директор, и говорит: «Приносим свои извинения, в театре произошел несчастный случай, и мы вынуждены спектакль прервать. Приглашаем всех вас с теми же билетами приходить на любой спектакль в любой

день. А сегодня – извините...» А сам как подобрал со сцены шапочку четырехугольную – ее Фауст потерял, когда со сцены убегал, – так и мял ее все время в руках. А руки у него сильно дрожали. Я это хорошо видел, я в четвертом ряду сидел.

– Так он же сказал – несчастный случай! – возразила я. – При чем же здесь убийство?

Парень опять усмехнулся.

– Да соврал он про несчастный случай. У меня тут знакомый один работает рабочим сцены, я сразу к нему побежал, пока милиция не приехала и все ходы за кулисы не перекрыла. Так он говорит, никакой это не несчастный случай. Убийство! Я подробнее у него не успел расспросить, милиция приехала и все из-за кулис обратно в зал ломанулись. Ну, я имею в виду, кто прибежал узнать, что почем. Я же не один такой любопытный оказался. Так вы в каком районе живете, я вам помогу до дома добраться, а по дороге и поговорим заодно о чем хотите. Вас как зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.